

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Закат бразильской «Новой республики»¹

В 2018 году победа Жаира Болсонару на президентских выборах, хотя и предсказанная предвыборными опросами, многими в Бразилии и за ее пределами была воспринята как фарс, как неожиданное несчастье, свалившееся на страну, которая на протяжении тридцати лет служила примером успешной политической демократизации. За несколько лет до этого невозможно было себе представить, чтобы малоизвестный праворадикальный политик, открытый сторонник военной диктатуры, 27 лет подвизавшийся в роли политического шута в палате депутатов федерального парламента, может не только завоевать, но даже претендовать на президентский пост. Тогда, четыре года назад, одной

1 Новой (или шестой) республикой называется период бразильской истории, начатый процессом демократизации в 1985 году.

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

из очевидных причин случившегося казалось снятие с предвыборной гонки под предлогом обвинений в коррупции ее бесспорного фаворита Луиса Инасиу Лулы да Силва – самого успешного президента новой, демократической республики, находившегося у власти в 2003–2010 годах².

Накануне нынешних президентских выборов Лула также занимал неизменное первое место в предвыборных опросах, опережая действующего президента на 10–15 процентных пунктов. Перед первым туром голосования, состоявшимся 2 октября нынешнего года, кандидатуру Лулу, согласно всем опросам, поддерживали порядка 46–48% избирателей, а «Datafolha» – наиболее влиятельная бразильская организация, изучающая общественное мнение, – давала ему шанс на завоевание половины голосов, то есть на победу уже в первом туре. Действующий президент Болсонару, согласно тем же прогнозам, получал 35–36% голосов³. И если в отношении Лулы предвыборные прогнозы в целом сбылись – он, получив 48,43% голосов, занял первое место и прошел во второй тур, – то потенциал Болсонару был ими существенно недооценен: он завоевал 43,2%, отстав от Лулы всего на пять процентных пунктов. Иначе говоря, перед вторым туром, который намечен на 30 октября, двух претендентов разделяют только шесть миллионов голосов из 156 миллионов бразильцев,

имеющих право голоса⁴. В сочетании с неблагоприятными для поддерживавшей Лулу коалиции результатами выборов губернаторов, депутатов и сенаторов Национального конгресса Болсонару, как ни парадоксально, не только не выглядит проигравшим, но и получает целый ряд преимуществ перед вторым туром. Как написал колумнист ведущей бразильской газеты «Estado de São Paulo»: «Лула еще может выиграть, но болсонаризм уже победил»⁵.

Результат первого тура вопреки надеждам и прогнозам подтверждает не только непрерывность праворадикальной волны, поднявшейся в Бразилии в конце 2010-х, но и ее нарастание: в 2022 году Болсонару выступил как мощный избирательный локомотив, сумевший обеспечить электоральную поддержку своим союзникам, боровшимся за посты губернаторов, сенаторов и депутатов⁶. То, что недавно представлялось эксцессом, случайным отклонением от магистрали демократического развития, оборачивается глубоким кризисом основных институтов и инструментов демократии, которые на наших глазах выхолащиваются, становясь орудием открыто антидемократических и праворадикальных сил. Очевидна и включенность Бразилии в мировые закономерности: подъем консервативных праворадикальных партий и движений, охвативший в последние годы США и большинство стран

2 Лула оставил президентский пост 1 января 2011 года с рейтингом одобрения 87%. См.: GALLARAGA GORTÁZAR N. *Lula, una resurrección* // El País. 2022. 1 de octubre (elpais.com/internacional/2022-10-01/lula-una-resurreccion.html). (Левых политиков в Бразилии принято называть по именам: Лула, Дилма. – *Примеч. ред.*)

3 *Lula chega ao 1 turno com 50% dos votos válidos; Bolsonaro tem 36%*. Datafolha. Instituto de Pesquisas. 2022. 29 de setembro (https://datafolha.folha.uol.com.br/).

4 *Apuração e Resultados Eleições 2022* // Estadão. 2022. 2 de outubro (www.estadao.com.br/politica/eleicoes/2022/apuracao/primeiro-turno/).

5 GODOY M. *Lula pode até ganhar, mas bolsonarismo já venceu* // Estadão. 2022. 2 de outubro (www.estadao.com.br/politica/lula-pode-ate-ganhar-mas-o-bolsonarismo-ja-venceu/).

6 HELENO E. *Dos candidatos en la cola y un ganador anticipado en las elecciones de Brasil: el gran centro oportunista* // El País. 2022. 5 de octubre (https://elpais.com/opinion/2022-10-05/dos-candidatos-en-la-cola-y-un-ganador-anticipado-en-las-elecciones-de-brasil-el-gran-centro-oportunista.html).

Европы, не обошел стороной и ее. Недаром Болсонару восхищается Трампом как своим учителем. Кроме общих факторов, вызвавших эту волну – а именно, глобализации и структурного кризиса, ею порожденного, – в Бразилии гораздо большую роль играют проблемы внутреннего развития, приведшие бразильскую демократию к глубочайшему упадку за 37 лет, прошедших с момента ее восстановления. Этот упадок особенно показателен, поскольку процесс создания и укрепления здешних демократических институтов был общепризнанной историей успеха в Латинской Америке и за ее пределами.

* * *

Вообще история Бразилии последних пятидесяти лет представляет собой череду многократных и разнообразных успехов и провалов. Успехов, которые несли в себе семена последующих неудач, и провалов, выход из которых основывался на существенном обновлении экономических и политических структур. Первый успех такого рода – экономическая политика военной диктатуры, находившейся у власти с 1964-го по 1985 год. Эта хрестоматийная *success story*, ставшая уже избитым примером так называемой «авторитарной модернизации»: экономической трансформации, удачно осуществленной авторитарным режимом, который, как считается, таким образом подготовил социально-экономическую почву для последующей политической демократизации. (Попутно хотелось бы заметить, что это предельно упрощенная и в конечном счете неверная трактовка как процесса модернизации вообще, так и смысла

того, что произошло в Бразилии в годы господства авторитарно-бюрократического режима в частности.)

Бразильское «экономическое чудо» 1968–1973 годов выразилось в кратковременном экономическом рывке, позволившем стране преодолеть внутренний барьер индустриализации и перейти от ее «легкой» к «тяжелой» фазе. В течение этих пяти лет темпы роста ВВП в Бразилии превышали в среднем 10% в год, в то время как среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли 20%. В основе подъема лежала крупномасштабная переориентация бразильской экономики на производство экспортной продукции в условиях благоприятной внешней конъюнктуры и главное – расширение внутреннего спроса на товары длительного пользования. Автомобильное производство, развернутое в Бразилии крупнейшими транснациональными корпорациями «Форд» и «Фольксваген», стало символом и мотором ее экономического процветания. Внутренний рынок для автомобилей и других дорогостоящих товаров обеспечивался целенаправленной государственной политикой перераспределения: путем концентрации доходов в руках меньшинства – 15–20% наиболее обеспеченных слоев населения, которые были способны приобретать товары, изготовленные по новейшим техническим стандартам. Одновременно на треть сократилась доля заработной платы в ВВП, что обеспечивалось фактическим разгромом профсоюзов, являвшихся влиятельной политической силой в 1950-е – первой половине 1960-х годов⁷.

Таким образом, экономический прорыв в Бразилии сознательно осуществлялся за счет большинства – трудящих-

7 Подробнее см.: Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия // Вестник общественного мнения. 2009. № 4(102). С. 50–68.

ся и низкообеспеченных слоев населения в целом. Политически он поддерживался масштабными и изощренными репрессиями против левых и демократически настроенных политических деятелей, профсоюзных руководителей и активистов общественных организаций. Людей пытали, убивали, они исчезали бесследно. Именно бразильский военный режим 1964–1985 годов положил начало бессудным казням, систематическим пыткам и «исчезновениям» политических противников, а также деятельности «эскадронов смерти» – главного орудия так называемого «экстраофициального» террора. Правда, по прошествии времени эти практики стали казаться вполне вегетарианскими по сравнению с еще более чудовищными деяниями военных режимов, в 1970-е пришедших к власти в Чили, Уругвае и особенно Аргентине.

Социальной ценой бразильского «экономического чуда» стало резкое нарастание неравенства: успех экономической политики военного режима превратил Бразилию в страну с самым неравномерным распределением доходов в Латинской Америке. В 2002 году доля верхнего квинтиля самых богатых (20%) составляла 62,4%, а доля верхнего дециля (10%) самых богатых – 46,1% располагаемых доходов⁸. Почти 40% населения проживали за чертой бедности⁹.

Политической ценой явилось разрушение демократических институтов и создание на их месте институциональной структуры авторитарного режима. Разогнав в 1964 году представительные органы всех уровней, запретив политические партии и лишив политических прав большинство активных деятелей демократических и левых организаций,

в 1968-м военные создали псевдопредставительную систему, допустив к участию в федеральных и региональных выборах только две разрешенные партии: правящую партию «Национальный союз обновления» (Aliança Renovadora Nacional, ARENA) и оппозиционную партию «Бразильское демократическое движение» (Movimento Democrático Brasileiro, MDB). К системе реальной власти эти органы и эти выборы никакого отношения не имели. Пост президента каждые пять лет замещал генерал, старший по званию и выслуге лет в вооруженных силах; президент назначал губернаторов штатов, которых затем одобряли соответствующие законодательные собрания.

Кроме того, в отличие от латиноамериканских авторитарно-бюрократических режимов второго поколения (Чили, Уругвай, Аргентина), проводивших ультралиберальный экономический курс, бразильский режим был этатистским: в основе его экономической политики лежали государственный дирижизм и протекционизм по отношению к частному сектору. Государство выступало важнейшим партнером транснациональных корпораций и бразильских частных компаний: государственное регулирование экономики сыграло решающую роль в мобилизации внутренних и внешних накоплений и их привлечении в средне- и долгосрочные капиталовложения в производство. Государственный сектор в эпоху военного режима приобрел невиданную в истории Бразилии силу и самостоятельность, обеспечивая до 40% капиталовложений и около 50% занятости. В государственной собственности находились наиболее экстенсивные, капиталоемкие и

⁸ По данным: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

⁹ См.: COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA (CEPAL). *CEPALSTAT: Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas* (<https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/perfil-nacional.html?theme=1&country=bra&lang=es>).

трудоемкие отрасли экономики: инфраструктура, металлургия, добывающая промышленность, производство вооружений, добыча и переработка нефти.

Таким образом, глубочайшее социальное неравенство, разрушение демократических институтов, насилие как основа отношений власти и общества, ведущая роль государства в экономике – все эти ключевые вещи стали платой за успешную экономическую модернизацию 1970-х. Достигнутый тогда успех обернулся длительной стагнацией в 1980–1990-е и нес в себе семена тех трудностей, с которыми столкнулась Бразилия в период демократизации.

* * *

Мирный переход от авторитаризма к демократии является второй бразильской историей успеха, вошедшей во все учебники политологии и транзитологии под неточным, на мой взгляд, названием «пакт элит». Соглашение о не прямых выборах президента Бразилии, на которых в марте 1985 года победил кандидат от оппозиции Танкреду Невеш, наряду со знаменитым «пактом Монклоа» в Испании, заключенным в 1977-м, считается примером удачной договоренности между правящими и оппозиционными группами элит, позволившей обеспечить постепенное «размягчение» авторитарного режима и его поэтапную трансформацию под контролем сверху, без потери управляемости и выхода на поверхность разрушительных социальных сил. Именно так воспринимается «пакт элит» в российской либеральной публицистике – как самый безболезненный и наиболее эффективный способ перехода от авторитарного режима

к демократии, в том числе и в российских условиях.

Я считаю, что это глубоко искаженная картина того, как в действительности осуществлялся переход к демократии в Бразилии (и в Испании тоже)¹⁰. Прежде, чем выходцы из авторитарного режима и лидеры оппозиции смогли договориться, на протяжении десяти лет в Бразилии развивалось мощное демократическое движение, которое вбирало студентов, интеллектуалов, неправительственные организации, ассоциации адвокатов и журналистов, влиятельную часть епископата католической церкви, а параллельно ему формировалось движение социальное, которое возглавили новые профсоюзы, возникшие на автосборочных предприятиях пригородов Сан-Паулу. Одним из руководителей демократического движения был будущий президент Бразилии Фернанду Энрики Кардозу – выдающийся ученый-социолог с мировым именем, который в 1968 году был поражен режимом в политических правах и на несколько лет изгнан из страны.

Когда на рубеже 1970–1980-х возникло демократическое движение, Кардозу начал искать союзников в первую очередь в рабочем движении, опираясь на которое демократическая оппозиция успешно расшатывала единство правящего блока. Профсоюзы возглавлял рабочий металлургического завода в штате Сан-Паулу Луис Инасиу Лула да Силва – выходец из самых низов бразильского общества, человек без образования, ставший основателем и лидером «Партии трудящихся» (Partido dos Trabalhadores, PT). Есть замечательная фотография, на которой два будущих президента – Кардозу и Лула – вместе стоят на трибуне на одном из

10 См.: Ворожейкина Т. *Прощание с авторитаризмом: уроки испанского* // Неприкосновенный запас. 2016. № 4(108). С. 56–72.

митингов. Это потом, после восстановления демократии, они разошлись по своим политическим «квартирам» и стали соперниками в борьбе за президентский пост: каждый из них представлял и олицетворял собственный проект развития страны.

Без мощного демократического и социального движения никакой «пакт элит» в Бразилии был бы невозможен. Представление некоторых российских публицистов о том, что суть процесса демократизации в этой стране заключалась в простом отказе бразильского правящего класса от привлечения военных к управлению страной, является в корне неверным. Для того чтобы это произошло, необходимо было наличие мощного внесистемного оппозиционного движения, выражавшего социальные требования трудящихся и «низов» в самом широком смысле, то есть большинства населения. Иначе говоря, нужно было постоянное давление со стороны общества, которое неуклонно подталкивало бы властные группировки внутри диктатуры к выработке компромисса с оппозицией. Постепенная трансформация авторитарного режима в Бразилии представляла собой историю десятилетней борьбы общества за демократию, а не закулисную сделку внутри правящего блока. Бразильский опыт свидетельствует в первую очередь о том, что переход к демократии может быть успешным лишь в одном случае: когда она становится делом всего общества, а не только его активного либерального меньшинства.

Тем не менее первые годы демократии в Бразилии обернулись экономическим и институциональным провалом. Экономические неудачи первого десятилетия гражданского правления

объяснялись стремлением сохранить ту этатистскую модель экономики, которая была столь эффективной в годы диктатуры и которая столь же очевидно исчерпала себя уже к середине 1980-х. Институциональный провал был связан с «проклятой» проблемой бразильской политики XX века, а именно – с включением в политическую систему тех людей, которых исключала система социально-экономическая. К решению первой части этой проблемы – созданию системы реально функционирующих демократических институтов – приступил в середине 1990-х Фернанду Энрики Кардозу, занимавший президентский пост в 1995–2002 годах. Еще будучи министром финансов, он в 1994-м осуществил успешный план денежной стабилизации, который позволил покончить с гиперинфляцией, разрушавшей национальную экономику в течение полутора десятилетий. Однако экономический успех, очень важный сам по себе, не был его главной задачей.

«Наша цель не в экономическом успехе, не в экономической реформе. Наша главная цель заключается в том, чтобы превратить государство и его институты из объекта частного присвоения в *общее дело* – в республику»¹¹.

Свою главную задачу Кардозу видел в том, чтобы отделить государственные институты от частных интересов правящих и господствующих групп, сделать эти институты *публичными*. Для этого он, во-первых, провел административную реформу, после которой большинство административных должностей (за исключением политических назначений) на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном – начали замещаться по конкурсу.

11 CARDOSO F.H. *In Praise of Arts of Politics* // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. P. 10.

Во-вторых, была реализована экономическая реформа – либерализация и приватизация экономики, повысившая ее эффективность, позволившая существенно сократить государственное вмешательство и, следовательно, уменьшить влияние частных экономических интересов государственных чиновников. Что особенно важно, Кардозу проводил экономическую реформу постепенно, в течение двух своих президентских сроков, с помощью тех инструментов, которые ему предоставляла принятая в 1988 году новая Конституция страны.

Такая стратегия – имплементация экономической реформы путем достижения компромиссов в парламенте – была выбрана Кардозу сознательно. Экономическая трансформация осуществлялась через поиск консенсуса в обществе и политической системе; тем самым формировались и укреплялись демократические институты. В противоположность российским реформаторам, которым ради беспрепятственной либерализации экономики в 1993 году потребовалось силой оружия разогнать парламент, Кардозу принципиально продвигал экономические преобразования, переходя от одного «гнилого» компромисса к другому, нередко жертвуя логикой реформ и темпами экономического роста, но настойчиво добиваясь того, чтобы демократия и законность вошли в привычку. Несмотря на весьма скромные экономические достижения правительства Кардозу, предпринятая им институциональная реформа заложила основу для экономических достижений и социальной трансформации страны в следующем десятилетии. Укрепление демократических институтов в 1990-е постепенно превращало их в эффективные каналы политического представительства, позволявшие реально отстаи-

вать социальные интересы различных общественных групп, включая низшие, беднейшие слои населения.

* * *

Вторую часть формулы – интеграцию социально исключенных в политическую систему – в жизнь воплощал Лула. Два срока его президентства, пришедшиеся на 2003–2010 годы, стали не только историей бесспорного социально-экономического успеха, но и временем наивысшего подъема Бразилии как страны и общества за все тридцать лет демократического развития. В основе этого успеха лежала в первую очередь активная социальная и перераспределительная политика правительства: повышение на четверть минимальной заработной платы, вывод из тени неформальной занятости, распространение на низкодоходные слои населения банковского кредита, для которых раньше он был недоступен. Важнейшей и наиболее известной из этих мер стала программа «Семейный кошелек» («Bolsa Família»), в рамках которой семьям с доходом ниже определенного минимума выплачивалось небольшое ежемесячное пособие – при обязательном условии, что их дети регулярно посещают школу и прививаются от наиболее распространенных инфекционных болезней, в частности, от полиомиелита. Эта программа, запущенная в качестве эксперимента еще при правительстве Кардозу в 2000-е, была распространена на все страну: ее бенефициарами стали 13 миллионов семей, подавляющее большинство которых возглавляется женщинами. Помимо быстрого улучшения материального положения беднейших слоев населения, программа была нацелена и на более долгосрочный

эффект. Ей предстояло разорвать порочный круг, связывающий бедность и низкий уровень образования: чем больше детей бросают школу, чтобы зарабатывать и помогать своим семьям, тем меньше квалифицированных рабочих рук будет в экономике, когда они вырастут. В свою очередь дети таких родителей тоже будут вынуждены из-за бедности оставлять школу – и этот порочный круг воспроизводится из поколения в поколение. Разорвать его можно лишь одним способом: повышая в каждом последующем поколении уровень образованности.

Результатом перечисленных и других подобных мер правительства Лулы стало существенное сокращение неравенства в распределении доходов: с 2002-го по 2013 год доля верхнего квинтиля сократилась с 62,4% до 57,5%, а верхнего дециля – с 46,1% до 41,7% располагаемых доходов¹². Коэффициент Джини, продолжая оставаться самым высоким на континенте, снизился с 0,57 в 2002 году до 0,52 в 2012-м. Соответственно выросла доля нижних 80% населения. Еще более очевидно уменьшились в Бразилии бедность и нищета: часть населения, проживающая за чертой бедности, сократилась вдвое – с 38,8% в 2003 году до 18,5% в 2012-м¹³. Иначе говоря, свыше 30 миллионов человек смогли за одно десятилетие выбраться из бедности, выйти из теневой экономики выживания: у них первый раз в жизни появились автомобили и стиральные машины, банковские карточки, легальная зарплата, они впервые начали работать по письменному контракту. В Бразилии возник новый «средний класс», так называемый

класс «С», который, по данным официальной статистики, составляет около 50% населения. Этот социальный сдвиг принес и ощутимый экономический эффект: рост покупательной способности и потребления низших доходных страт повлек за собой резкое расширение внутреннего рынка, став одним из важнейших факторов экономического роста в 2000-е¹⁴.

Лула, таким образом, выполнил свое важнейшее предвыборное обещание. Вступая 1 января 2003 года в должность президента, он поклялся, что, когда он будет покидать свой пост, в Бразилии не останется голодающих и не будет семей, которые едят меньше двух раз в день. Благоприятная конъюнктура мирового рынка в 2000-е, высокие цены практически на все товары бразильского экспорта, включая сою, мясо, птицу, пшеницу, сахар и кофе, позволили правительству Лулы провести эффективное перераспределение и существенно снизить бедность, не затрагивая доходов самых богатых бразильцев и в целом интересов правящих и господствующих групп. Более того, в течение первого президентского срока экономическая политика левоцентристского правительства Лулы сохраняла преемственность в отношении тех принципов и направлений, которые были заложены предыдущим правительством Кардозу.

На рубеже 2000–2010-х казалось, что, наконец-то, решена – или по крайней мере решается – *центральная проблема* социального развития Бразилии, обусловленная поляризующим воздействием экономического роста на общество. На протяжении всей преды-

¹² По данным: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

¹³ COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA (CEPAL). *Perfil nacional socio-demográfico: Brasil* (https://statistics.cepal.org/portal/databank/index.html?lang=es&indicator_id=3328&members=1368,1365,222).

¹⁴ Средние темпы роста в 2003–2010 годах составляли 4%. Рассчитано по: <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/1ff4a498/Popular-Indicators>.

дущей истории страны большинство населения было лишено доступа к плодам этого роста, что в свою очередь превращало политические институты в верхушечные, не отражавшие жизненные интересы большинства – и потому крайне неустойчивые. Теперь, как представлялось, удалось удачно сочетать ранее несовместимое: либеральную, по сути, экономическую политику, жизнеспособные демократические институты, перераспределение и радикальный подъем уровня жизни беднейшей половины граждан. Более того, создавая каналы политического представительства для большинства и превращая их в эффективное средство отстаивания интересов этого большинства, правительство Лулы укрепляло одновременно демократические институты. В противоположность «порочному кругу», по мнению многих, возник самоподдерживающийся «благодатный круг». Особенно очевидным позитивное взаимодействие экономической, социальной и политической трансформации в Бразилии виделось на фоне происходящего в соседней Венесуэле. Там перераспределительная политика стала средством укрепления авторитарно-популистского режима и персоналистской власти, последовательно разрушавших и экономику, и демократию.

Однако основания этого «благодатного круга» оказались неустойчивыми: изменение мировой конъюнктуры из-за кризиса 2008–2009 годов и, как следствие, падение цен на товары бразильского экспорта резко ограничили возможности и далее проводить политику «сытых овец» и «целых волков». Левоцентристское правительство все больше опиралось на беднейшие слои населения, а средние слои начинали от него постепенно отдаляться. И Лула на президентских выборах 2006 года,

и особенно Дилма Русеф, сменившая его в 2010-м, пользовались наибольшей поддержкой у избирателей с самыми низкими доходами и в самых бедных штатах Северо-Востока страны. К концу 2000-х происходит очевидный социальный и географический раскол электората на «бедные» и «богатые» группы.

Дилма Русеф, преемница Лулы на президентском посту (2011–2016), пыталась продолжать политику перераспределения за счет увеличения бюджетных расходов, что не могло не привести к росту инфляции и общей экономической дестабилизации. На этом фоне в 2013 году разгорелся колоссальный коррупционный скандал, получивший название «Lava Jato» («автомойка») и до основания потрясший экономику, общество и политику Бразилии. Выяснилось, что за заключение контрактов с государственной нефтяной компанией «Petrobras» практически все крупные строительные и инфраструктурные фирмы давали взятки чиновникам, депутатам и сенаторам, губернаторам штатов. В коррупционные действия были вовлечены не только представители правившей тогда «Партии трудящихся» и ее политические союзники в парламенте, но и часть оппозиции. Скандал начался в конце первого срока Дилмы Русеф, непосредственно перед президентскими выборами 2014 года, на которых ей с большим трудом – во втором туре за нее проголосовали 51,6% (54,5 миллиона) избирателей – удалось переизбраться на второй срок. Победа, однако, оказалась пирровой: скандал привел к расколу правящей коалиции, полностью парализовал деятельность правительства и стал одним из важнейших факторов наихудшей с 1930-х экономической депрессии. В 2016 году палата депутатов и сенат Национального конгресса прого-

лосовали за отстранение от должности действующего президента – причем, несмотря на то, что лично против Дилмы никаких обвинений в коррупции не выдвигалось: она никак не была замешана в деле «Petrobras». Импичмент был объявлен на основании незначительных технических нарушений в бюджетной политике, допущенных правительством. В то же время против трехсот депутатов из 367, проголосовавших за ее отстранение, были возбуждены административные или уголовные дела, в том числе и по делу «Lava Jato». Против 60% сенаторов, поддержавших импичмент, также выдвигались обвинения в причастности к этому делу.

Импичмент превратился в социальный реванш тех сил, которые представляют традиционные правящие и господствующие группы Бразилии и которые четыре избирательных цикла подряд, с 2002-го по 2014 год, не могли оттеснить «Партию трудящихся» от власти электоральными средствами. Историческая попытка левоцентристских сил перевести социальные противоречия в институциональное русло, к сожалению, провалилась. Попытка решать институциональными методами социальные проблемы страны, где доходы крайне поляризованы, оказалась иллюзорной – как и надежда на то, что можно перераспределять доходы, не затрагивая интересов богатых, то есть без налоговой реформы.

* * *

Следует признать, что потерпел неудачу не только социально-перераспределительный проект Лулы, но и институцио-

нальный, «центростремительный», направленный на поиск компромисса проект Фернанду Энрики Кардозу. В основе глубочайшего политического кризиса, который разгорелся в стране с середины 2010-х и продолжается по сей день, лежало несколько структурных факторов, действие которых постепенно подтачивало демократические институты. Основная проблема заключается в крайней дробности партийной системы, которая сформировалась в Бразилии после возвращения к демократии. Все попытки провести политическую реформу и принять избирательное законодательство, которое предусматривало бы пропорциональную систему с открытыми списками, были похоронены по результатам голосований в конгрессе. (Политическим реформированием пытались заниматься все демократические правительства Бразилии, включая Кардозу, Лулу, Дилму и сменившего ее Мишеля Темера.) В стране по-прежнему действуют десятки политических партий, которые вступают друг с другом в самые причудливые коалиции как на федеральном уровне, так и особенно на уровне штатов¹⁵. Ни одна партия за всю историю Новой республики не смогла завоевать даже простого большинства на выборах в Национальный конгресс, и это не удивительно, если учесть, что в Бразилии нет нижнего барьера для прохождения в федеральный парламент и законодательные собрания штатов. Между тем, согласно федеральной Конституции 1988 года, для проведения любых реформ – экономических, социальных, административных – требуется квалифицированное большинство в две трети голосов. Поэтому все правительства демократичес-

15 В феврале 2022 года в Федеральном избирательном трибунале Бразилии были зарегистрированы 32 партии, тридцать из них получили места в палате депутатов на выборах 2 октября (www.tse.jus.br/partidos/partidos-registrados-no-tse/registrados-no-tse).

кой Бразилии, как правоцентристские, так и левоцентристские, вынуждены были опираться на широкие коалиции, состав которых постоянно менялся. Эта система получила название «коалиционного президентства».

Несущей конструкцией «коалиционного президентства» несколько десятилетий была «Партия бразильского демократического движения» (*Partido do Movimento Democrático Brasileiro*, PMDB) – старейшая в Бразилии, наследница единственной легальной оппозиционной партии времен военной диктатуры. PMDB была основным союзником как Кардозу, так и Лулы и Дилмы. Кроме PMDB, в правившие коалиции входили еще около десятка мелких партий, которые обеспечивали правительству необходимое большинство в Национальном конгрессе. Сохранение «коалиционного президентства» как правоцентристскими, так и левоцентристскими правительствами было вынужденным и обусловленным характером партийной системы и особенностями Конституции, предусматривавшей ключевую роль парламента в принятии решений. (Конституция 1988 года разрабатывалась, по существу, как конституция парламентской республики, однако давление военных и результаты плебисцита 1993 года обусловили сохранение президентской формы правления.) С одной стороны, это способствовало утверждению культуры политического компромисса, заложенной в период правления Кардозу, и было, несомненно, позитивным моментом. С другой стороны, PMDB, в которой значительное влияние имели региональные правящие группы традиционалистского толка, все больше паразитировала на этой системе, получая

привилегии, посты министров и вице-президентов. Лидер партии Мишель Темер дважды – в 2010-м и 2014 годах – избирался вице-президентом в паре с Дилмой Русеф. В 2016 году он присоединился к кампании по ее отстранению, в результате чего занял ее место, оставаясь президентом в 2016–2018 годах. Постепенно PMDB превратилась в «партию власти» в самом буквальном смысле этого слова. Это партия, у которой практически нет идеологии; партия, которая при любом правительстве входит во власть на правах младшего партнера; партия, в которой доминируют беспринципные политиканы, торговцы политическим влиянием. И это, кстати, отнюдь не единственная подобная партия в Бразилии. Партийный конгломерат, получивший название «*Centrão*» («Большой центр»), вобрал в себя политические партии без определенной идеологической ориентации, единственная цель которых – добиться близости к исполнительной власти. В него входят политики консервативной ориентации, депутаты-заднескамеечники (*parlamentares do baixo clero*), которые действуют исключительно в личных интересах и заняты по преимуществу обменом услугами в рамках переплетающихся клиентелистских сетей¹⁶. В момент импичмента блок «*Centrão*» насчитывал тринадцать партий, которые (за одним исключением) входили в базу поддержки правительств «Партии трудящихся» и занимали в них министерские посты; в дальнейшем состав этого конгломерата расширился за счет новых членов, обеспечивая очередному президенту парламентское большинство.

«*Centrão*» представляет собой зримое воплощение инволюции демократичес-

16 Примером этого, как говорят в Бразилии, политического физиологизма является парламентская фракция BVB (*da bala, do boi, da bíblia* – пуля, бык, Библия), объединяющая поверх партийной принадлежности сторонников владения оружием, аграриев и приверженцев евангелических церквей.

ких институтов в Бразилии. Культура политического компромисса, которая должна была обеспечивать политическую стабильность, обернулась своей изнанкой. Важнейший демократический институт – система народного представительства – постепенно выхолащивался и все больше становился прикрытием частных интересов. Стремление архитектора этой модели Фернанду Энрики Кардозу сделать государственные институты публичными, отделив их от интересов правящих и господствующих групп, оказалось на данном этапе иллюзией, разочарование в которой и является одной из важнейших причин нынешнего политического кризиса.

* * *

Проявлением этого кризиса и одновременно фактором его углубления стало сначала ослабление, а затем полное размывание политического центра. Его олицетворяла «Партия бразильской социал-демократии» (Partido da Social Democracia Brasileira, PSDB), созданная в 1988 году политическими деятелями либерального, демохристианского и социал-демократического направления во главе с Кардозу. После его ухода от власти в 2003 году партия долгое время оставалась ядром оппозиции левоцентристским правительствам «Партии трудящихся» как в парламенте, так и в обществе. Кандидаты от PSDB Жозе Серра, Жералду Алкмин и Аэсиу Невиш объединяли вокруг себя противников Лулы и Дилмы во втором туре президентских

выборов 2002-го, 2006-го, 2010-го и 2014 годов¹⁷. Однако с середины 2010-х влияние этой партии начинает стремительно падать. С одной стороны, будучи партией либеральной и центристской, она не подходила для того, чтобы в полной мере аккумулировать ту, зачастую иррациональную, ненависть к «Партии трудящихся», которая накапливалась в бразильском обществе¹⁸. С другой стороны, PSDB не смогла четко определить по ключевому вопросу об импичменте Дилмы. Характерна в это отношении позиция Кардозу, который до начала 2016 года выступал решительно против импичмента на том основании, что он будет разрушителен для институтов демократии:

«Что бы там ни было, страна должна отвечать за президента, которого она выбрала. Для того чтобы выразить свое отношение к нему и его партии, существуют выборы, которых необходимо дожидаться, дав президенту отработать свой срок»¹⁹.

Однако затем, по мере углубления политического кризиса, Кардозу изменил свою позицию, поддержав весьма слабые юридически аргументы сторонников импичмента. В 2018 году восходящая звезда PSDB – кандидат на пост губернатора ведущего штата Сан-Паулу Жоао Дориа – поддержал во втором туре президентских выборов Жаира Болсонару. Кульминацией этой печальной инволюции PSDB стали позорные 4,76% голосов, полученные тогда ее кандидатом Жералду Алкмином, а также сокращение почти вдвое (с 54 до 29) числа ее депутатов в Национальном конгрессе. В итоге одна

17 Жозе Серра набрал в 2002 году 39% против Лулы и в 2010-м 44% против Дилмы; Жералду Алкмин – 39% против Лулы в 2006-м; Аэсиу Невиш – 48% против Дилмы в 2014-м.

18 GALLARAGA GORTÁZAR N. *El odio visceral al PT resucita con furia en Brasil* // El País. 2018. 28 de octubre (https://elpais.com/internacional/2018/10/27/actualidad/1540656482_930109.html).

19 MARREIRO F. *FHC, um balde de água fria nos tucanos que querem impeachment* // El País. 2015. 19 de abril (https://brasil.elpais.com/brasil/2015/04/19/politica/1429471580_992063.html).

из трех наиболее влиятельных партий Бразилии, внесшая важнейший вклад в процесс демократизации, присоединилась к «Centrão» и вошла до сентября 2021 года в базу парламентской поддержки правительства Болсонару.

Второй составляющей политического кризиса стала метаморфоза, которую претерпела «Партия трудящихся» за тринадцать лет пребывания у власти. Эта партия была исключительным феноменом в политической истории не только Бразилии, но и всей Латинской Америки: она отличалась и от традиционных бразильских партий, и от большей части латиноамериканских левых. «Партия трудящихся» объединила в 1980 году новые профсоюзы, возникшие в 1960–1970-е на автосборочных предприятиях концернов «Форд» и «Фольксваген» в пригородах Сан-Паулу, ассоциации мирян католической церкви (так называемые «низовые христианские общины»), уцелевших участников городских партизанских движений против диктатуры²⁰, активистов многочисленных левых партий и организаций гражданского общества, деятелей культуры, университетских профессоров и католических священников. В 1990-е партия начала быстро наращивать политическое влияние, завоевывая посты мэров в ряде важнейших городов – Сан-Паулу, Белу-Оризонте, Порту-Алегри. Этому подъему, помимо неортодоксальной левой идеологии, в немалой степени помогала репутация «этичной» партии, партии «чистых рук», радикаль-

но отличавшейся от традиционных, насквозь коррумпированных партий Бразилии.

С приходом к власти на федеральном уровне во многих штатах и муниципалитетах «Партия трудящихся» неизбежно превращается в часть истеблишмента и подвергается тому, что Габриель Гарсия Маркес называл *desgaste del poder*²¹. Этому в особенности способствовала ловушка «коалиционного президентства» и неизбежный обмен услугами с партиями «Centrão». Первый крупный коррупционный скандал, связанный с этой проблемой, произошел в Бразилии в 2005 году и получил название «Mensalão» («месячное пособие»). Для того, чтобы каждый раз формировать в Национальном конгрессе коалицию сторонников того или иного правительственного законопроекта, «Партия трудящихся» создала нелегальный фонд, из которого платила взятки («месячные пособия») депутатам из других партий за «правильное» голосование. Это был вид «идеологической», если можно так выразиться, коррупции: замешанные в ней лидеры «Партии трудящихся» не положили в собственный карман ни одного сентаво, деньги были использованы сугубо ради «партийного дела». Когда эта история вскрылась, она стоила поста и дальнейшей политической карьеры ближайшему соратнику Лулы – главе его администрации Жозе Дирсеу, – который должен был стать следующим кандидатом в президенты. В 2013 году партия и ее лидеры, принад-

20 К ним, в частности, принадлежала Дилма Русеф, которая в 1968–1970 годах была участницей городской гегерии, членом «Вооруженного революционного авангарда Палмарес» (VAR-Palmares). В 1970–1972 годах она находилась в тюрьме, где подвергалась пыткам.

21 Испанское слово *desgaste* с трудом поддается адекватному переводу на русский; оно означает «изнашивание», «порчу», «ветшание». *Desgaste del poder* можно перевести как «разрушение властью». Подробнее см.: Ворожейкина Т. Фидель Кастро: «Я никогда не думал, что моя жизнь будет столь долгой, а мои враги – столь неразумными» // Новая газета. 2016. 30 ноября (<https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/30/70729-fidel-kastro-ya-nikogda-ne-dumal-cto-moya-zhizn-budet-stol-dolgoy-a-moi-vragi-stol-nerazumnymi>).

лежавшие к ней чиновники и руководители государственных предприятий оказались в центре скандала «Lava Jato», упоминавшегося выше. Репутация «Партии трудящихся» как «чистой» политической силы рухнула: с этого времени обвинения в коррумпированности становятся действенным политическим оружием ее противников.

Кроме того, испытание властью привело к эрозии того, что всегда составляло главную силу «Партии трудящихся» – ее связи с народом, массами, гражданами. В июне 2013 года, накануне проведения в Бразилии Кубка конфедераций и за год до футбольного Чемпионата мира, на улицы крупнейших городов страны вышли сначала десятки, а затем и сотни тысяч человек, протестовавших против расходования государственных средств на строительство футбольных стадионов и спортивной инфраструктуры. Они требовали перенаправить эти деньги на улучшение образования, здравоохранения, городской инфраструктуры. Среди демонстрантов было много тех, кто в предыдущее десятилетие оказался основным бенефициаром социальной политики «Партии трудящихся». В частности, это были студенты – дети из семей упомянутого класса «С», которые только в последние годы вышли из нищеты и смогли впервые позволить себе холодильник, стиральную машину и даже подержанный автомобиль. На первый взгляд, картина была странной: эти люди выступили против правительства, которое очевидно сделало их жизнь лучше. Но объяснение, на мой взгляд, заключалось в самом беспрецедентном социальном прогрессе предшествующих двадцати и особенно

последних двенадцати лет. В центре протестных требований оказалась защита достоинства бразильцев: права на медицинское обслуживание без диких очередей; права на городской транспорт по цене, соответствующей его качеству; права на то, чтобы полиция не била и не пытала; права на политическую систему, избавленную от коррупции. Как ни парадоксально, эти выступления стали своеобразным доказательством успеха «Партии трудящихся»: население превратилось в граждан, которые захотели стать творцами собственной жизни. В стране, где футбол всегда был важнейшим национальным символом – и «опиумом народа», – люди открыто предпочли футболу собственное достоинство и благосостояние! Одно это красноречиво свидетельствовало, до какой степени изменилась страна. Но партия, проведшая к тому времени более десятилетия у власти, не смогла этого понять и просмотрела колоссальные сдвиги, произошедшие в обществе: «Партия улицы потеряла улицу, решив, что она ей больше не нужна»²². Из объединения трудящихся, интеллектуалов, студентов, активистов «Партия трудящихся» превратилась по преимуществу в партию тех, кто зависит от государства и не способен на политическую самоорганизацию и самовыражение²³.

По мере того, как тускнел былой авторитет «Партии трудящихся», она и ее лидеры все больше становились предметом раздражения для тех, кто считал ее ответственной за все беды: вездесущую коррупцию, глубочайшую экономическую депрессию, неэффективность политической системы. Очень

22 BRUM E. *La herencia más maldita del PT* // El País. 2015. 17 de marzo (https://elpais.com/internacional/2015/03/17/actualidad/1426609039_929834.html).

23 SINGER A. *Raízes sociais e ideológicas do lulismo* // Novos Estudos. 2009. № 85 (<https://novosestudos.com.br/produto/edicao-85/#591d62cfoe166>).

быстро изменился характер протестного движения: в 2015–2016 годах сотни тысяч человек выходили на улицы бразильских городов, требуя отставки Дилмы Русеф, выступая против ее социально-экономической политики и всего политического курса «Партии трудящихся». В этом выразалась, конечно, несомненная усталость общества от несменяемой власти, но вместе с тем из-под спуда выходила социальная ненависть консервативной Бразилии, вынужденной годами мириться с изменением социального статуса тех, кого она всегда считала низшими, своего рода «отбросами»: бедных, сексуальных меньшинств, борцов за сохранение амазонских джунглей, движений за права индейцев, чернокожих и бездомных. Их социальное возвышение было связано с преобразованиями, осуществленными «Партией трудящихся». Но ее активисты и сторонники, а также прогрессивные медиа, представители среднего класса, университетские круги – все те, кто преобладал в культурной и образовательной жизни общества, – просмотрели эту волну. «Откуда взялись все эти люди?» – спрашивали они себя; для них оказался полной неожиданностью массовый характер поддержки, которую получил Болсонару в 2018 году, поскольку они давно перестали думать о Бразилии как о консервативной стране²⁴.

* * *

Болсонару, как никто другой, сумел актуализировать эту ненависть, которая и катапультировала его на президентский пост. Исчезновение центра и ослабление левых позволили ему превратить

социальный реванш в политический. Более того, Болсонару смог сделать то, что не удавалось в течение всей истории Новой республики: создать вокруг себя правую коалицию и возглавить ее. В период военной диктатуры роль реальной правой партии выполняла армия. Считавшаяся правящей партией ARENA после 1985 года начала бесконечно дробиться; правые, несмотря на бесчисленные расколы, переименования и перегруппировки, так и не смогли сформировать сколько-нибудь устойчивые партийные структуры, в итоге обретаясь под крышей «Centrão». В 2018 году Болсонару выдвигался от «Социально-либеральной партии» (Partido Social Liberal, PSL), которая до этого десятилетиями прозябала на задворках бразильской политики и никогда не имела в парламенте больше одного депутата. Локомотив Болсонару втащил в конгресс 52 депутата от этой партии, сделав ее фракцию второй по численности после «Партии трудящихся», которая получила 54 места. В ноябре 2019-го президент Болсонару покинул PSL и в 2022-м баллотировался уже от «Либеральной партии» (Partido Liberal, PL), которая с его помощью тоже увеличила свой депутатский корпус до 99 парламентариев против 33 в 2018-м. Консолидация бразильских правых сил вокруг фигуры Болсонару еще продолжается, а реструктурирование партийно-политического пространства далеко не завершено. Но направление его уже очевидно: это укрепление правых и ультраправых политических партий и лидеров за счет в первую очередь центра.

В 2018 году Болсонару, подобно Трампу в 2016-м, выступил как антисистемный лидер, как непримиримый против-

24 GALLARAGA GORTÁZAR N. *Carol Pires: “Bolsonaro es fruto de la criminalización de la política”* // El País. 2022. 30 de septiembre (<https://elpais.com/internacional/2022-09-30/carol-pires-bolsonaro-es-fruto-de-la-criminalizacion-de-la-politica.html>).

ник *estado profundo* (*deep state*). Он смог капитализировать всеобщее возмущение повальной коррупцией, растущей преступностью, несменяемостью политиков. В ходе избирательной кампании, как и в течение всей предыдущей политической карьеры, Болсонару открыто защищал расистские, женоненавистнические, гомофобные позиции, оправдывал пытки и убийства как средства обеспечения безопасности. Он, в частности, прославился следующими публичными высказываниями: вас, говорил он женщине-депутату, «я не стал бы насиловать, потому что вы мне противны»; «военная диктатура должна была убить еще 30 тысяч человек, включая членов Конгресса и президента Фернанду Энрики Кардозу»; «пытать, а не убивать еще больше было ошибкой (диктатуры)»; «я не смог бы любить сына-гомосексуала и предпочел бы, чтобы он погиб в автокатастрофе»; «полицейский, который не убивает, не полицейский». Все это, однако, не помешало ему победить на выборах с 55% (58 миллионов) голосов во втором туре. Максимальную поддержку (около двух третей голосов) Болсонару получил в наиболее развитых регионах – на Юге и Юго-Востоке страны. За него массово проголосовали самые высокодоходные, образованные, урбанизированные слои населения. Особую роль в поддержке Болсонару играли и играют сторонники евангелических церквей, которых в Бразилии насчитывается 65 миллионов человек – почти треть населения²⁵.

От Болсонару, как и от Трампа, ждали, что, придя к власти, он остепенится, станет более умеренным. Но Болсонару-

президент в 2019–2022 годах практически не отличался от Болсонару-кандидата или Болсонару-депутата. Он продемонстрировал полное отсутствие эмпатии к жертвам пандемии: длительное время вообще отрицал опасность COVID-19, называя его «легким гриппом»; препятствовал мерам по социальной изоляции, вводимым губернаторами штатов; не спешил с закупкой вакцины. В результате подобного отношения Бразилия оказалась на одном из первых мест в мире по абсолютному числу умерших, составившему 680 тысяч человек. Эта бесчувственность, кстати, стала главным мотивом тех избирателей, которые отказались поддержать его на выборах 2022 года²⁶. Вместе с тем правительство Болсонару в 2020-м оказало помощь семьям с низкими доходами, занятым в неформальном секторе, – в размере 400 реалов (80 долларов США) в месяц. Такая же помощь выплачивалась, хотя и в меньшем объеме и не так регулярно, и в 2021-м. В конце 2021 года Болсонару закрыл знаменитую программу Лулы «Bolsa Família», заменив ее собственным начинанием «Auxílio Brasil» («Помощь Бразилии»). В августе 2022-го, непосредственно перед президентскими выборами, 20 миллионов бразильских семей начали получать ежемесячные выплаты в размере 600 реалов (115 долларов США). И по размеру пособия, и по охвату населения эта мера превосходит параметры программы Лулы. Однако, как представляется, попытка Болсонару изменить предвыборное соотношение сил путем раздачи денег не сработала: 56% получателей «Auxílio Brasil», по данным «Datafolha»,

25 CULLELL J.M. *Últimos rezos por la victoria de Bolsonaro: "Oh Señor, detén la avalancha del mal"* // El País. 2022. 26 de septiembre (<https://elpais.com/internacional/2022-09-26/ultimos-rezos-por-la-victoria-de-bolsonaro-oh-senor-deten-la-avalancha-del-mal.html>).

26 GALLARAGA GORTÁZAR N. *Bolsonaro, la destrucción como estrategia* // El País. 2022. 1 de octubre (<https://elpais.com/internacional/2022-10-01/bolsonaro-la-destruccion-como-estrategia.html>).

намеревались голосовать за Лулу против 28% за Болсонару²⁷.

Политика Болсонару на президентском посту в значительной мере определялась тем, что по мировоззрению он так и остался отставным военным, воспитанным в Академии вооруженных сил в «свинцовые годы» диктатуры. С этим связано его манихейское восприятие мира, где лично он возглавляет силы «добра» в борьбе с силами «зла», а также отношение к политическим противникам, с которыми невозможен компромисс и которые должны быть уничтожены²⁸. Отсюда главное – его глубочайшее недоверие к демократическим институтам. За четыре года он ухитрился рассориться практически со всеми из них: с Верховным судом, который неправильно, по его мнению, аннулировал обвинения в коррупции, выдвинутые против Лулы; с Верховным избирательным трибуналом, который защищал систему электронного голосования, нацеленную, как считал Болсонару, на избирательный подлог и лишение его голосов в 2022 году²⁹; даже с парламентом, в котором партии «Centrao» в первое время послушно следовали его воле – и где в 2021 году был поставлен вопрос о его импичменте. В этом смысле Болсонару был по-своему последователен: борьба с демократическими институтами и была для него борьбой с *estado profundo*. Его главными и единственны-

ми союзниками оставались военные: армейские офицеры занимали треть министерских постов в его кабинете, им он пытался передать подсчет голосов на выборах, а его кандидатами в вице-президенты и в 2018-м, и в 2022-м были отставные генералы. Режим военной диктатуры был и остается для Болсонару идеалом правления, и он изо всех сил пытается приблизиться к нему, несмотря на то, что вооруженные силы неоднократно заявляли о своей верности Конституции.

На этом фоне Лула стал символом защиты демократии для значительной части бразильского общества. Его, хотя и с оговорками, поддержала часть бразильского патроната. Для предпринимателей и банкиров Лула предсказуем, они хорошо знакомы с правилами, по которым он играет, и понимают, как он будет себя вести в случае победы на выборах – в отличие от подверженного внезапным сменам настроения Болсонару, линию поведения которого невозможно предугадать³⁰. Многие влиятельные политики центристской и правоцентристской ориентации призывали голосовать за Лулу. Его исторический противник Кардозу заявил: «Во втором туре я призываю голосовать за историю борьбы за демократию и включение социально исключенных»³¹. На пост вице-президента вместе с Лулой баллотируется Алкмин, который на

27 ИДЕМ. *El arma millonaria de Bolsonaro para arrancar votos a Lula: una paga para pobres* // El País. 2022. 20 de agosto (<https://elpais.com/internacional/2022-08-20/el-arma-millonaria-de-bolsonaro-para-arrancar-votos-a-lula-una-paga-para-pobres.html>).

28 ИДЕМ. *Bolsonaro, la destrucción como estrategia*.

29 Болсонару за полтора года до выборов объявил, что признает их результаты только в том случае, если он сам получит не менее 60% голосов.

30 RIVAS MOLINO F. *Lula intenta romper la desconfianza del empresariado brasileño ante su posible victoria electoral* // El País. 2022. 29 de agosto (<https://elpais.com/internacional/2022-09-29/lula-intenta-romper-la-desconfianza-del-empresariado-brasilenno-ante-su-posible-victoria-electoral.html>).

31 GALLARAGA GORTÁZAR N. *El presidente Cardoso y Ciro Gomes, que quedó cuarto el domingo, apuestan por el izquierdista mientras el gobernador de Minas Gerais, Estado crucial, respalda al mandatario de extrema derecha* // El País. 2022. 5 de octubre (<https://elpais.com/internacional/2022-10-05/bolsonaro-y-lula-logran-valiosos-apoyos-para-la-segunda-vuelta-electoral-en-brasil.html>).

протяжении десятилетий противостоял политике «Партии трудящихся». Два центристских кандидата, занявших в первом туре третье и четвертое места, Симоне Тебет (4,2%) и Сиро Гомес (3%), также призвали голосовать за Лулу во втором туре.

* * *

Результаты второго тура, намеченного на 30 октября 2022 года, покажут, хватит ли этой поддержки для победы Лулы. Но, какими бы ни были финальные итоги, они не изменят чрезвычайно тревожной и опасной политической ситуации в Бразилии. Кандидаты, представляющие крайние фланги политической системы – Лула и Болсонару, – в первом туре получили в сумме 91,6% голосов. Это свидетельствует о крайней поляризации общества: Лула завоевал большинство среди бедных и низкодоходных групп населения, в штатах Северо-Востока и в ряде крупнейших городов страны, включая Сан-Паулу, Порту-Алегри, Салвадор и Форталезу. Вместе с тем Болсонару существенно укрепил свои позиции по сравнению с 2018 годом: он набрал большинство в двух ведущих штатах Бразилии – Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, – а их губернаторы объявили о поддержке инкумбента во втором туре. За Болсонару снова проголосовали самые богатые штаты Юга,

а также Центр и часть Северо-Запада, где его электорат составляют аграрии и разработчики полезных ископаемых, уничтожающие с его благословения амазонскую сельву.

Даже если Лула выиграет второй тур, ему будет противостоять Национальный конгресс, где союзники Болсонару контролируют как минимум 186 мест из 513 в палате депутатов, в то время как коалиция «Партии трудящихся», увеличившей свое представительство с 54 до 81 депутата, располагает только 116 местами. В сенате же, где 2 октября переизбиралась треть из 81 сенатора, ситуация еще хуже: у «Партии трудящихся» вместе с союзниками всего двенадцать мест. Очевидно, что в случае победы Лулы его правительство уже не будет правительством «Партии трудящихся», как в 2003–2010 годах: он с самого начала будет вынужден проводить крайне осторожную политику, лавировать между различными силами, что всегда чревато ослаблением поддержки в собственной партии и разочарованием ядерного электората. Крайне важно, чтобы победа «Партии трудящихся» вновь не стала пирровой, как в 2014 году. Чем бы ни закончились выборы, Болсонару останется серьезной угрозой демократии в Бразилии – причем даже если он откажется от своего намерения не признать такие результаты выборов, при которых не он будет объявлен победителем.

